

Об одном источнике "Братьев Карамазовых"

Русская литература, 1985, № 2.

[OCR Бычков М.Н.](#)

То, что книга, о которой пойдет речь, стояла на полках библиотеки Достоевского в последние годы жизни, было установлено Л. П. Гроссманом.¹ Однако значение ее для его последнего романа не получило отражения в комментарии В. Е. Ветловской в 14--15 томах Полного собрания сочинений Достоевского (Л., 1976), хотя в ряду литературных источников "Братьев Карамазовых" книга эта занимает свое место: отсюда, как мы полагаем, в творчески преображенном виде на страницы последнего романа Достоевского перекочевали некоторые мотивы, детали, ситуации, образы.

Мы имеем в виду "Жизнеописание старца Леонида".² Биография Леонида, в миру Льва Даниловича Наголкина, с именем которого связано зарождение в Оптиной пустыни "старчества", в кратком изложении такова. Поступив в 1797 году послушником в Оптину пустынь, он через два года переселился в Белобережский монастырь Орловской епархии и в 1804 году стал строителем (настоятелем) этого монастыря. Спустя несколько лет Леонид сложил с себя настоятельство и вместе с двумя спутниками покинул пределы Орловской губернии, положив начало длительному периоду "мытарств" по разным монастырям.

В одном из валаамских скитов обстоятельства приняли для них совсем неблагоприятный оборот. Местный игумен Иннокентий, испугавшись очевидного в ущерб ему влияния пришельцев, послал на одного из них, Феодора, донос петербургскому митрополиту. Феодора собирались выгнать из обители, и спасло его только заступничество министра духовных дел князя А. Н. Голицына, незадолго до этого посетившего Валаам и познакомившегося со старцами.

В 1829 году Леонид с шестью учениками (Феодор к тому времени скончался) возвращается в Оптину пустынь. Но и здесь недоброжелатели из братии писали на него доносы, и здесь назначались расследования, вновь и вновь подтверждались архиерейские запреты принимать мирских посетителей. В дело оказалось однажды вовлеченным и московское отделение тайной полиции, куда был послан один из допосов. Умер Леонид в 1841 году.

В каких аспектах использовал Достоевский "Жизнеописание"? Прежде всего он почерпнул отсюда материал, касающийся оппозиционности "старчества" официальному православию. К 1878 году, когда писатель посетил Оптину пустынь, там, по-видимому, не было открытых противников старчества или, по крайней мере, они не составляли влиятельной партии: монастырь славился именно как "старческая" обитель. Между тем в "Братьях Карамазовых" представлена совсем иная, исполненная драматизма картина монастырской жизни, не похожая на ту, что мог наблюдать Достоевский, но близкая той, о которой он мог прочитать в "Жизнеописании" и которая имела место в первые годы по водворении Леонида в пустыни.

Тогда противниками старчества были в основном приверженцы внешнего, показного благочестия. Их вдохновителем был некий монах В-н, явивший, как и Леонид, в скиту. О том, что он был видной монастырской фигурой, можно догадаться из полемического письма Леонида: "А об В-не пусть думают как кому угодно, и ублажают его высокое жительство; но мы к оному веры не имамы, и не желаем, дабы кто следовал таковой его высоте, не приносящей плода" (с. 70--71).

То, что сообщает "Жизнеописание" о В-пе, явно перекликается с тем, что пишет Достоевский о Ферапонте, "противнике старца Зосимы и главное -- старчества, которое считал он вредным и легкомысленным новшеством".³ Ферапонт -- "один из древнейших иноков, великий молчальник и необычайный постник" (XIV, 28); "множество братии вполне сочувствовало ему, а из приходящих мирских очень многие чтили его как великого праведника и подвижника" (XIV, 151). В чем обвиняли "старцев" люди типа Ферапонта?

Самое распространенное и самое серьезное обвинение заключалось в том, что старцы злоупотребляют таинством исповеди, тем самым профанируя его. Старцы возражали: наряду с исповедью, утверждали они, которая имеет в виду раскаяние и получение прощения, существует